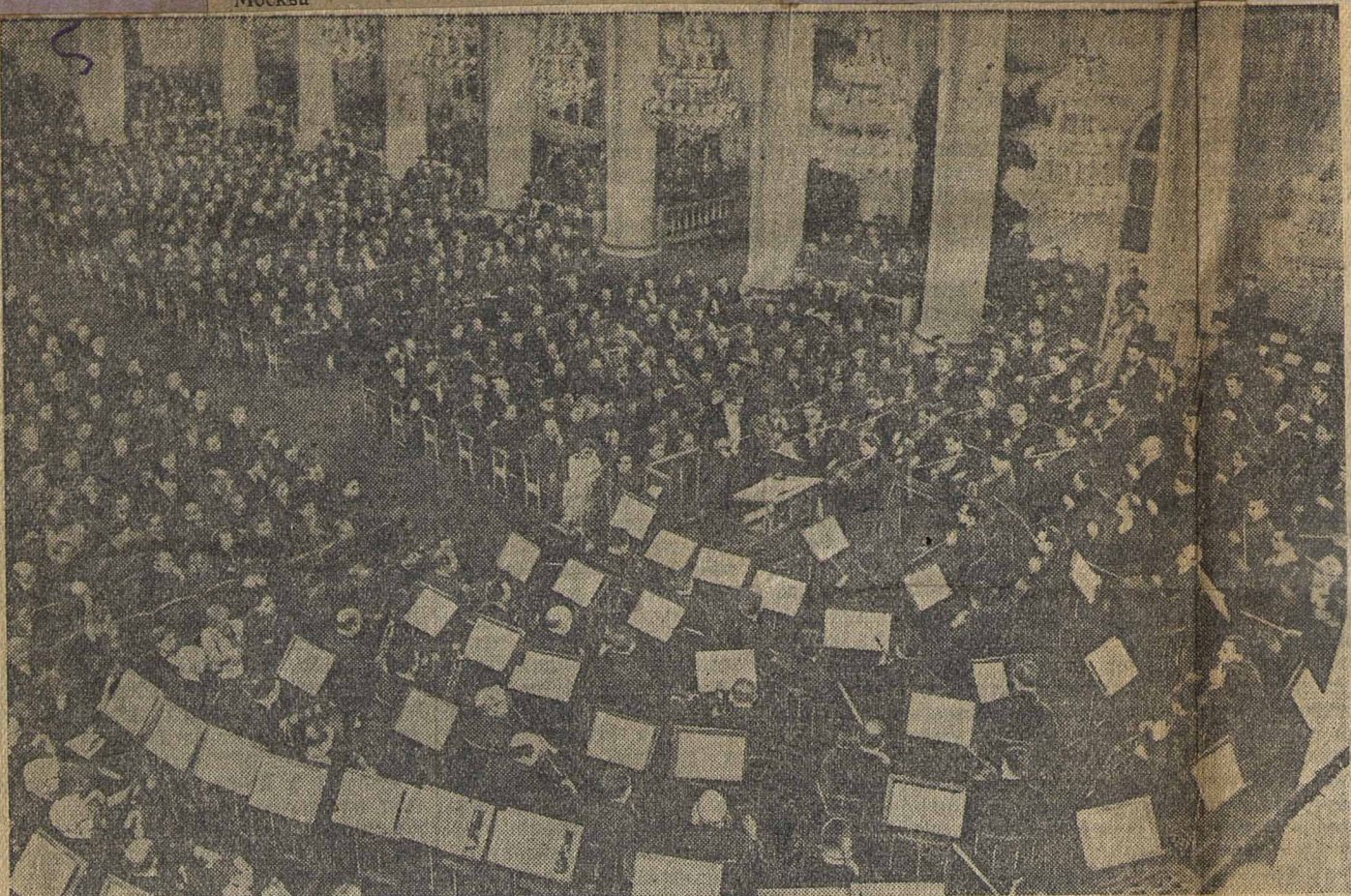

С огромным успехом прошло в Москве первое исполнение Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича. Симфония была исполнена объединенным оркестром Государственного Академического Большого театра и Всесоюзного радиокомитета под управлением народного артиста СССР С. Самосуда. На снимке: общий вид Колонного зала Дома союзов во время исполнения Седьмой симфонии. Фото И. ШАГИНА.

ТОРЖЕСТВО ЧЕЛОВЕКА

Седьмая симфония Д. Шостаковича

Фашисты приближались к Ленинграду. Грозная опасность нависала над городом, в котором гордая красота строений, набережных, площадей соединилась с величием свободного труда, вдохновенной мысли, великих исторических традиций и преданий. Вражеские самолеты старались запугать население, внести панику, сорвать мирный творческий труд. Чужое ухо советских людей уже улавливало нарастающий гул бронетанковой лавины, готовой обрушиться на город. Визгливым и гнусавым криком фашистская пропаганда кополила весь этот гитлеровский шантаж грота, треска, скрежета. Немцы тешили себя мыслью о том, что задушены советские люди, сломано их моральное сопротивление и без особого труда горный город Ленина падает в их хищные лапы.

Это был просчет Гитлера, один из многочисленных его, роковых для фашистской Германии просчетов. В эти тревожные для всей Советской страны дни защитники Ленинграда, как и защитники других городов, как героические защитники родины на всех фронтах, стойко, непоколебимо отражали разбойничий напор врага. В Ленинграде советские интеллигенты рука об руку с питерцами-рабочими готовили несокрушимую оборону. Композитор Д. Шостакович, крупнейший музыкальный художник нашей эпохи, участвовал в обороне, лежал на крыше своего дома, помогая уничтожать зажигательные бомбы. Выполнив свой долг, он возвращался в рабочую комнату и продолжал труд над Седьмой симфонией.

Образы войны стояли перед его глазами, — страшные, тревожащие душу образы. Боль, голодование, обила сменялись в душе чувствами смертельной ненависти к врагу и кровной привязанности ко всему миру разума, творчества, культуры, искусства. Вся жизнь человечества проходила в эти минуты труда перед воображением художника-мыслителя, и он видел, что решается вопрос о том, кому владеть миром — человеку или зверю. Было сознание промадной, всемирно-исторической важности вопросов, которые решаются в боях, — не было смятения в душе, не было колебаний. Великая ясность и великая уверенность владыки композитором. Не испуг, а глубочайшее презрение внушал ему враг. В эти дни Шостакович особенно близко почувствовал свою кровную связь с народом, с русскими людьми. Он видел, как взяли в свои руки оружие работники заводов, мастерских, университета, институтов. Он слышал слова Сталина, исполненные спокойствия и силы.

Шостакович работал над своим монументальным трудом так, как работают, когда в точности знают, что этот труд будет закончен, доведен до конца, когда сознают всю важность и значительность труда. То, что он писал, прислушиваясь к звукам, которые врываются в его комнату, которые пели в его душе, пазывается на музыкальном языке симфонии, лишь частично и неполно переводимой на язык слов. Но по существу своему это манифест разума, красоты и культуры против безобразного, механизированного одичания, которое протягивало крючкотворную железную ленту к горлу самого свободного народа в мире. Шостакович писал то, что он чувствовал лично. Он выражал свои чувства средствами искусства наиболее субъективного, но он знал, что он на своем языке композитора говорит от имени своего народа, что он выражает чувства миллионов, и это наполняло его музыку огромной силой.

Фашистскому мракобесию, фашистской бессмыслице Шостакович противопоставляет разум, идею, ясность глубокой мысли. Фашистскому бездухию — одухотворенность всей европейской многовековой культуры. Фашистскому зверству — великую идею человека и человечности, идею, выношенную в революциях и в исторических битвах народов с угнетателями, фашистскому безликому образу зверя, бегущего с автоматом — светлые образы великих мыслителей, поэтов, композиторов, писателей, философов. Торжество человека над фашистским зверем — таков смысл музыкального манифеста Шостаковича. Он обращен к миллионам. Светлая и ясная идея должна быть выражена в формах простых, ясных и светлых.

Так рождается содержание, так складывается и музыкальное оформление манифеста разума, красоты и культуры. Это — ответ на мировой шантаж фашизма. Человек не раздается, не оцепенел под мертвящим взором фашистского зверя. Человек ответил ударом. Человек знает,

что ему принадлежат победа и торжество. Он давит фашистскую гадюку сознанием своего правосудия, своим историческим оптимизмом, своим презрением к фашистскому истерическому крику, визгу, гаму.

Седьмая симфония Шостаковича будет исполняться одновременно в западном и восточном полушариях нашей планеты. Она стала событием не только художественным, но и политическим. Русский художник сказал в области искусства слово, которое услышано будет всюду. В России,

Лауреат Сталинской премии композитор Д. Д. ШОСТАКОВИЧ.

в Советской стране, родилось это выдающееся произведение, отразившее в себе силу и уверенность русского народа.

Седьмая симфония состоит из четырех частей. Прекрасное и величественное начало подсказывает волнующий образ Ленинграда. Он облечен в строгие музыкально-архитектурные формы. Это Растрелли, Казаков в торжественных аккордах. Это могучая Нева в граните поэтических набережных. Но эта красота не только природы, несколько суровой. Это красота и творческого труда. Это обаяние людей. Здесь русские люди создают сокровища науки, искусства, техники. Шостаковичу близко и дорого это, как близка и дорога родина, и он это выражает в светлых, лирических звуках. Это не «счастствие», как думают некоторые, обманутые тончайшей, ажурной отделкой пленяющей мелодии. Это великая и в то же время интимная нежность любви к родному человеку, к родной стране...

И вот глухие, тревожные звуки врываются в мир труда, творчества и любви. Где-то очень далеко, но зловеще трещит барабанная дробь. Рождается мотивчик, удручающий своей бездумной механичностью. Это пошленькое чередование звуков, примитивный марш каких-то дикарей. Он напоминает сначала популярное «Болеро» Равеля, — это протек, поразивший своей музыкальной бездумностью, танец первобытных людей.

Пошленький мотивчик дикарей разрастается. Он нарастает с неудержимой силой. Он развивается по всему оркестру, с отрывистых вскриков струнных переходит на ошалелый писк кларнетов. Его подхватывают медные инструменты. Не теряя своего механического однообразия, он словно расширяется в объеме. Барабан уже не трещит, — он гремит... Это мчатся по ровным дорогам бронетанковые чудовища, в которых сидят полулюди, полубезьяны. Музыка приобретает жуткий характер. Если в начале это сатирический памфлет на фашистское одичание, то теперь это глубочайшая драма всей мировой культуры, на которую обрушился чудовищный пикар мести, барабанного грохота, завываний, уханья оркестра. Это не музыка только. Это больше, чем музыка. Это лицо фашистского врага, показанное с огромной силой. Достоевский в «Бесах» намечал такую программу для торжества Угрия в франко-прусской войне 1871 года. У него пошленькая песенка «Майн либер Аууге-стин» перерастает в бешеное упоение грубейшей и варварской ласки над «Марсельзой», над французским народом, над культурой человечества.

Шостакович показывает огромную силу механизированной пошлости. Но на эту силу есть своя сила. В разгар фашистского обезьяньего марша, когда трубы уже ликуют свою победу, новые сверкающие

звуки в светлой тональности стащиваются с фашистским мотивом. Это поистине великая битва в оркестре. Еще раз прорываются сквозь литавры, сквозь удары медных тарелок грубые звуки фашистского марша, но они уже не могут покрыть мажор встречного удара. Мотив фашистского наступления словно дробится, откатывается, мелькает. Буря в оркестре затихает. Наступает молчание, в котором переключаются тихо и жалобно деревянные инструменты. И вот завоет свою великую и глубокую речь мудрый, благородный голос фаята. Он звучит почти по-человечески.

Это слово о погибших героях, о великом мужестве, о священной борьбе за родину. Оно обращено ко всем, — может быть, в первую очередь к матерям и женам. Это голос печали — благородной, твердой и мужественной. В нем нет слез. Голос ровен и спокоен. Именно так надо говорить о павших за родину. Непередаваемая словами душевность в этом слове и голосе. Рисуется образ великого и мудрого человека, отца, большое сердце которого собрало в себе всю боль народа, твердость которого служит утешением и опорой людям.

Слово о героях замолкло. В затихшем оркестре скрипки на тончайших нотах поют песню любви и нежности. Далеко-далеко тарахтит фашистский барабан. Это напоминание и предостережение. Бойба еще не окончена. Враг еще не добит. Но он смертельно ранен. Поле великой битвы осталось за человеком.

Такова первая часть симфонии, основная, программная часть, содержащая в себе главные музыкальные мысли всего произведения. Последующие три части развивают мысли первой части и дополняют ее.

Вторая часть пронизана светом, она частью построена на танцевальном ритме, в ней есть тончайший юмор. Это «воспоминания», по мысли композитора, воспоминания — о чем? Быть может, приходили на память стихи Пушкина, — в прозрачном пушкинском стиле выдержано все скерцо. Быть может, отрывки из музыки Глинки и Чайковского, законным наследником и достойным преемником которых является Шостакович. Быть может, русские поля, рощи... Вся эта часть глубоко русская, по-русски душевная, по-русски песенная, с веселыми, праздничными моментами в конце.

Значительна, глубоко задумана третья часть. За торжественными аккордами хорала следует широкая певучая тема, к ней не раз возвращается оркестр. Величавые образы Генделя, Баха, Бетховена встают перед очарованным слушателем. Это не просто подражание классикам. Это нечто более замечательное: подлинное возрождение классического искусства сложнейшими средствами современной музыки. Русский композитор выступает здесь рыцарем европейской культуры в борьбе против фашистского бескультурья.

Для мыслей и чувств, возбужденных мировой войной, нужен строгий и ясный язык классики. Шостакович в Седьмой симфонии не «возвращается» к прошлому, — он идет вперед и возрождает классические формы на новой основе. Третья часть говорит о борьбе, о полнокровной жизни, о человеке — мыслителе и творце. Лишь на время фашизм задержал чудесное движение человечества к вершинам культуры, познания и счастья. Фашизм будет уничтожен, и это движение вновь возобновится с новой и еще большей силой.

С огромной мощью выражена эта мысль в сверкающем финале симфонии. Нарастающее торжество разума, красоты, человечности завершается ликующим гимном, по силе своей напоминающим победные финалы симфоний Бетховена и Чайковского.

Исполнение Седьмой симфонии — редкое событие для каждого музыканта, для каждого советского патриота. С огромной любовью оркестр Большого театра и оркестр Всесоюзного радиокомитета проделали большую и сложную работу под руководством С. А. Самосуда. Некоторые исполнители встретились впервые лишь на подготовке этой симфонии. Незабвенна была некоторая неслаженность. Но, работая с увлечением, весь оркестр спаялся на работе. Талантливый дирижер сумел придать Седьмой симфонии то звучание, ту возвышенность, которые захватывают полностью слушателя и покрывают его.

Шостакович дал мировой культуре в Седьмой симфонии мощное оружие против фашистского мракобесия.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.